

KI1224546

1 р. 30 к.

Сергей^{се}
Орлов
Голос
первой
любви

С Т И Х И

Сергей
Серлов

Голос
первой
любви

Соборский писатель. 66
Ленинград. 1958

Голос первой любви моей — поздний,
напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть,
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть? . . .

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины. . .
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть. . .
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

* * *

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам.

Песни на земле не сочиняют —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце где-то сердцу отзовется, —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям.
Ливням плакать, зорям полыхать, —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

* * *

Старый снимок
Нашел я случайно в столе
Среди справок
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле.

Шлем ребристый кирзовый
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки, что солнца пыльца.

Не целован еще
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня,
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня.

Время крепости рушит,
А годы летят,
Ах, как жаль мне веснушек,
Ржаной звездопад.

А К Р О П О Л Ь

В незапамятном детстве раннем
Я увидел свой первый город —
Сказкю о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.
Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.
Голубиная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крыши с церкви,
С колоколен медным прибоем.
Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы. . .
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.
Тихий город мой, в зорях алых
Щедро мне ты дарил открытья,
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.
И хотя на земле с тех пор я

Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым,
Из ворот гремящих вокзала.
Но недавно за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.
Белый мрамор колонн летящих,
С морем синим и небом рядом,
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.
И, увидев впервые город,
Изо всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы
Переживший тысячелетья,
Замер я будто в детстве раннем,
Заглядевшийся с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.
Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

П Е С Н Я

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий,
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрузили
И запели два мужика.

И не то чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы, —
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой за Шексной, одна.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБИ

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русой,
Весь город был у ней в плену
Глаз, песенок, проказ и вкусов.
Весь деревянный рай земной,
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной,
Со змеем в облаках бумажным.
Мы не встречались десять лет.
Лет шесть не знали друг о друге...
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.
Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая,
Красивая, передо мной
Стояла женщина чужая.
Я девочку любил тогда.
Есть память — с этого вокзала
И в юность ходят поезда.
«Ты помнишь?..» — девочка сказала.

Я оглянулся —
Сердце сжалось:
Разлукой сожжена дотла,
Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца, бела.
Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно название,
Все пожелтевшие, в пыли. . .
А дальше пепел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых,
И я заплакать был готов.
Но предо мной, открыта свету,
Стройна, лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль весенняя, она.
Звала она щемящей грустью,
В которой солнце, тишь, гроза. . .

И я забыл девчонки русой
Проказы, песенки, глаза.

* * *

На Большом Гнезниковском
В доме десять ли, восемь ли,
Что напротив аптеки,
Красным камнем одет,
Проживает красивая,
Рыжеволосая,
Одинокая женщина
Двадцати восьми лет.

У нее есть друзья.
И звонки телефонные
Вопрошают квартиру
О ней допоздна.
У нее есть поклонники,
Честно влюбленные,
Но всерьез не считается
С ними она.

Утро раннее
Сыплет стальные горошины
Из будильника на пол,

И, словно в ответ,
Закрывая глаза
На мгновенье ладошками,
Словно девочка,
Женщина смотрит на свет.
Тесных туфелек стук,
У кровати поставленных,
Открывает дорогу
Знакомых забот.
Папироска измятая
Ртом окровавлена,
Выпит чай,
Сунут в сумку
С собой бутерброд.

Ах, как много их,
В туфельках дробных, начищенных,
С банным ветром
Выносит метро поутру
На Тверском, на Арбате,
На Пресне!.. И сыщешь ли
Ту, что тоже спешит
На студеное ветру?..

* * *

Над тихими столицами районов
Сейчас идет бесшумный звездопад,
И у калиток, райских врат влюбленных,
Негромко кольца на груди звенят.

В черемухе и звездах ночь кружится
Необычайной, редкой красоты.
В такую пору спать грешно ложиться,
А я домой пришел до темноты,

Попил чайку, перечитал газеты,
Спокойной ночи пожелал жене,
И вот она, своим теплом согрета,
С подушки рядом дышит в ухо мне.

И я прощался у калитки тоже,
Из рук любимой отбирал кольцо,
И целовал прохладное до дрожи,
Во тьме ночной сиявшее лицо.

И надо мной в черемуху летели
Бесшумно звезды с высоты небес,
Кружился мир и соловьи немели, —
Был полон белый свет простых чудес...

* * *

Под атласным одеялом
Солнцем полное плечо,
Лен волос, румянец алый,
Золотой пушок у щек.
Ты, наверное, не встала,
До сих пор ты спишь еще.

С вечера метель мела,
Мир калила добела,
Лес молил январь о чуде,
Но казалось, что не будет
Больше света и тепла.

А сейчас для всех влюбленных
В окнах свету терема.
Снегу полная зима,
День — царь-колокол червонный —
Полон звону, разуму.

Милая моя краса,
Я ль не верил в чудеса,
Посмотри: не шелохнутся
Вплоть до полюса леса,
В воздухе дымки, как блюдца,
Днем с огнем в лесу лиса, —
Не пора ль тебе проснуться,
Милая моя краса.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Под луною в некотором царстве,
Царстве стали, пара и огня,
Расставанья, встречи и мытарства,
Грусть и радость были у меня.

В нем живет от края и до края
На своих мешках и сундучках,
Неудобства свято презирая,
В уютных мраморных дворцах,

На полах паркетных, полированных,
У дубовых тронов и ворот —
Демобилизованный, вербованный
И командированный народ.

В нем поет за тридевятью далью,
Где-то у бревенчатой стены,
Тихая гармоника с печалью,
Завезенной с дальней стороны.

И, как в бабье лето паутинка,
Под гору к петляющей реке
От моста чугунного тропинка
В нем летит и тает в ивняке.

Было так, что сталь в узлы вязала
Бомбовая сила в том раю,
Уходили города к Уралу,
Кровью омытая колею.

И казалось, в некотором царстве
Нет уже защиты от судьбы,
Но на эшелонах бога Марса
Было писано: «Годны под хлеб»...

От небес железных и стеклянных,
Башен, транспарантов и платков
До сторожек грустных, деревянных,
В пятнах солнца, брызгах васильков

Вновь звезда зеленая не гаснет
И поет, как иволга, рожок,
Люди, продолжая верить в счастье,
Пьют крутой бесплатный кипяток.

День и ночь сменяются без устали
В тучах света, в ливнях и в пыли...
И летит, летит дорога узкая —
Две стальные нитки вдоль земли.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.
По вражьи́м выкладкам бесспорным
Он трижды был в тот день убит
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.
С крестом на башне, с пушкой в душу,
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.
А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли. . .
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.
Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой —
Как в гимне партии поется:
«Ни бог, ни царь и ни герой», —
Он встал на бруствере траншеи,

Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.
Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированный атаки
От Ленинграда в трех шагах.
Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.
И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том,
Но только в сорок пятом, в мае,
О нем гремел победы гром.
И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.
Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

* * *

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова. . .
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор, как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И о закуске заливной
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед,
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть снова рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.

В зеленом, мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — в дальнем далеке —
Идут, идут полки...

ХЛЕБ КОММУНЫ

Я с детства начал жить в коммуне
За Бийском у Алтайских гор.
Под небом дальнего июня
Лежал ее земель простор.

Там, как в зеленом океане,
Все было общее до дна:
Дворы, дома и даже баня —
Для женщин и мужчин одна.

Загибы были, коль взглядеться.
Но я то время не сужу,
Я на него глазами детства
Без снисхождения гляжу.

Голубоваты, серебристы,
Плеща прохладою в жару,
Фонтаны тополей лучистых
В коммунегнулись на ветру,

На фоне синих, величавых
Гор, поднимающих хребты.
И в дудках, лопухах и травах
Порхали птицы, как цветы.

Звенела кузница за речкой,
И кто-то врал из нас, что там
Садится солнышко под вечер
И всходит в небо по утрам.

И на плацу, ветрам открытом,
Весь день над крышей дым столбом,
Неладно сшитый, крепко сбитый
Стоял столовой длинный дом.

Там пахло щами на пороге,
Там от дресвы белы полы,
Столы, расставив крепко ноги,
Хлеба к дверям несли из мглы.

Дрожал, врезаясь в корку с хрустом,
Весь в крошках, будто в рже, металл,
Румяный круглый хлеб капустных
След листьев снизу сохранял.

На двух больших ладонях словно
Пекли его в огне печи,
И он хранил их след неровный,
Все жилки, линии, лучи. . .

Всем одинаковый, бесплатный
Коммуны хлеб, как тень и свет,
На длинных, струганых, щербатых
Столах некрашенных, в обед

И в завтрак был и был на ужин...
А нам, ребятам, словно луг —
Беги к нему, когда он нужен,
С ним рядом соль, зеленый лук.

И в жестяных бидонах потных
Обрат — снятое молоко,
Пируй, когда тебе охота...
Смешное детство далеко.

Ты быстро улетело, детство,
Уже твоих не слышно крыл.
Но в жизни есть одно наследство, —
И я нигде не позабыл

Коммуны хлеб! Под синим небом
Не раз я ел его потом,
На пятерых буханку хлеба
Рубя трофейным тесаком.

В ладонь с брони сгребая крошки,
Промерзшие, как серебро,
Под артналетом и бомбежкой
Как смерть и жизнь, зло и добро.

Он черствым был, с огнем и горем,
Как слезы был, но в жизни мне

Он не бывал ни разу горек
Ни в детстве и ни на войне.

И я считаю счастьем личным
Все, что мне жизнь несла, даря:
Коммуны круглый хлеб пшеничный,
Походы, земли и моря.

* * *

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем все с начала,
Что жить — не поле перейти. . .

НА ДАЧЕ

Я на даче
В гостях побывал невзначай.
— Сколько лет, сколько зим! —
Так всегда говорится. —
Я с машиной,
Махнем, брат, за город на чай,
Мой ковчег посетишь,
Отдохнешь от столицы!

Нас промчал,
Огрызаясь на встречных баском,
Лакированный зверь
На резиновых лапах —
Пятьдесят километров
Рывком, с ветерком
От Арбата
До рощицы в рыжих накрапах.

Распахнулись ворота тесовые в сад,
Был хозяин радушен
И весел со мною:

— По труду и уют, —
Так ведь, брат, говорят... —
И начальственно
Похохотал над собою.

И, как будто своим
Восхищаясь трудом,
Гаражом похвалился,
Пристройками, крытыми цинком:
— Сколько, братец, хлопот!
Вот построю дорожку потом
Из бетона,
И будет тут все как картинка.

Но за всеми следы,
Мастера — все жулье... —
Он не чувствовал,
Как я мрачнею при этом,
И меня обступило
С порога жильё:
От багета
До теплого, с ванной, клозета,

От прыщавого отпрыска,
Тещи, жены,
Толковавших о модах,
Соседях, футболе,
До невинного мопса,
Готового впитаться в штаны
Молчаливого гостя,
Как только хозяин позволит...

Холодильник,
Как айсберг домашний, к столу
Пробивался,
Тяжелыми яствами полон,
Телевизор мерцал,
Насторбжась, в углу,
И портьеры
Штандартами стлались до пола.

Я не бил в этом доме посуду,
Не бил,
Я не хлопал дверьми в этом доме,
Не хлопал!
Сам хозяин
Калиткой за мной отрубил
То, о чем мы когда-то
Мечтали в окопах.

Счастье мне представлялось
Совсем не таким,
Окруженным высоким
Тесовым забором,
Чтоб копить счастье молча,
Чтоб прятаться с ним
От прямых,
Ничего не прощающих взоров.

...За воротами
Стайка грудастых девчат
В полинялых юбчонках
Трамбовками била щебенку.

Чад курился,
И рыжих, как пламя, телят
Вез куда-то шофер
На колхозной трехтонке...

День был днем, миром — мир
И простором — простор,
День шумел,
Не привыкший сдаваться на милость,
Тыщей рек, бурей трав
Вызывая на спор...
Неделимое солнце
По небу катилось...

Р О Д И Н А

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят,
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России!

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червленной сини,
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

Ему до тех красавцев далеко —
Тяжелых, многотонных, гусеничных,
Что поднимают целину легко
И стали вроде лошадей обычны.

Прямой капот, четыре колеса,
Труба с дымком — вот главные приметы
И вся его железная краса,
Воспетая в начале пятилеток.

Но как «Аврора», мир перевернув,
В Неву вошла, распарывая воды,
Так в бедную крестьянскую страну
Из Ленинграда вышел он с завода.

В него стреляли ночью кулаки —
В путиловца, партийца, ленинградца, —
Но где он шел, вставали мужики
За ним, как бы во время демонстраций.

И я за ним бежал, как за полком
Сейчас мальчишки бегают босые,
Казалось, по деревне ехал гром
И с ним никто не мог сравниться в силе.

Он имя Ленинграда с честью нес
Вдоль всех полей России и селений,
Ведь на него среди октябрьских гроз
Рассчитывал в мечтах товарищ Ленин.

* * *

Свет звезд идет к земле годами.
В ночь настужь распахни окно —
И, может, вспыхнет пред глазами
Звезда, рожденная давно.

Темны, глухи Вселенной тропы,
А под окном трава звенит,
Стеклом и сталью телескопов
Прощупывается зенит.

Встают в стекле столбы стихии,
Отбушевавшие давно,
Вот так же свет земли, России
Вселенной принимать дано.

Стремительно и дерзновенно,
Под стать, быть может, лишь мечте,
Свет движется по всей Вселенной,
Живой в межзвездной темноте.

Так за морями, за горами,
Над азиатскою тоской,
В крови и пепле, во Вьетнаме
Уже воспрянул род людской.

Как у звезды Полярной где-то
Семнадцатый бушует год —
Над Петропавловкой ракетой
Фонарь взлетает в небосвод.

В созвездьи Лиры пыль клубится,
Горят костры, блестят штыки,
Буденовские колесницы
Багровый ветер рвут в куски.

Так за хребтами Гималаев,
Как двадцать лет назад у нас,
Колхозы строятся в Китае,
И свой Урал, и свой Кузбасс...

Метет метелица стальная,
И гнется Млечный Путь под ней,
Клинками сабель озаряя
Папахи, бурки и коней.

Там жив Чапаев над Уралом,
Там у походного костра
О нас мечтают запевалы,
Не засыпая до утра.

А от земли в лавине света
К мирам в космической дали
Уже несут, звеня, ракеты
Звезду Кремлевскую Земли.

В ЧАЙНОЙ

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозера чай,
Не от чаев шумит.

И не вино тому виной,
Какая в нем вина,
Но здесь народ под выходной
Толкует дохмельна.

Тяжелых кружек пенный круг
До пенья петухов,
Железо узловатых рук
И нежный лен чубов.

В пыли полей, лесов, дорог,
В краю, навек родном,
Их проперчило солнце впрок
Веснушчатый огнем.

Министры поля и реки,
Всё на земле пройдя,
О пользе солнца и дождя
Толкуют земляки.

Чистосердечной речи лад
Не терпит слов пустых.
Что думают, то говорят
О всех делах земных.

Без них не выдаст хлеб район,
Не встанет дом, не ляжет лес,
Не вырастет красавец лен,
Не знать земле чудес.

В субботу «Голубой Дунай»,
Где вывеска гласит,
Что пьют здесь белозера чай,
Не от чаев шумит.

* * *

В наше время скорости и света.
Штурма неба мировых высот
У меня есть дальняя планета,
И с нее ко мне летят ракеты
По весне уже который год.
Вот они выходят на орбиту
Памяти

по небосводу вновь.

В сердце у меня для них открыты
Верность, благодарность и любовь.
Рвут они ночное покрывало.
Постоим, уйти повременим,
Вот уже как будто не бывало
Времени со сменой лет и зим.
Полк гвардейский, Мгинский, тридцать третий —
Жаркая планета среди планет
Юности моей на белом свете,
Памятней ее,

пожалуй, нет.

Что со мною делают ракеты,
Шлют воспоминания сюда.

Я стою в бесшумных вспышках света,
А вокруг меня ревут года.
Плещет дым газойля горьковатый,
Тяжкая колышется броня.
Снова в шлемах танковых ребята
И дороги, полные огня.
Дружба — дружбой. Снова ради друга
По снегу товарищи ползут.
Я лежу под пулеметной вьюгой,
Но они пробьются и спасут.
Времени космическая бездна,
Как стекляшка, колетя у ног...
На земле нежней их рук железных
И надежней я найти не мог.
В ссадинах, в ожогах, в солидоле
Вечная поэзия земли.
В чистом поле, во широком поле
Вот они машины повели.
Я стою под звездным ливнем жарким;
В облаках, колышась и звеня,
Гаснут и встают из света арки,
В юность уводящие меня.
Замерло на площади движенье,
Город праздник над землей зажег,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног.

* * *

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал.
И перед боем подо Мгой, в болотах,
Собраниями начинал привал.
Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, мы, урезав сон,
Сходились молча, без речей, без споров,
На пять минут — таков уж был закон.
Лесные комсомольские собранья —
Их посещала родина сама,
Их окружали стывшие в молчаньи
Пятидесятитонные грома...
И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, сигарка догорит пока,
Собранье закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.
Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал), на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.

Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но впятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

* * *

Витька, Коля, Саша и Петро —
Песня, доброта, отвага, сила.
Медные ладони над костром,
С пшенной кашей черное ведро,
В лапах сосен льдистые светила.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Экипаж, друзья мои, солдаты.
Кашу ждут зимой в сорок втором,
Лица жарко вымыты костром,
Спины от усталости горбаты.

Позади и впереди война,
За спиною гати и болота,
А у ног одна лужайка сна
На снегу тепла и зелена.
Есть охота, очень спать охота.

И мечта клокочет на углях,
Дышит пшеничным, теплым ароматом...

Это только в песнях и стихах
На привале думают солдаты
Все о славе бронзовой в веках.

Рядом с ними перед тем костром
Я сижу на лапах мерзлой хвои,
Слушаю тревожный зимний гром,
Лью газойль на сучья под ведро,
Глажу пламя по спине рукою.

Тени жестки, быстры и прямы,
Смотрит танк орудья черным оком,
Весь в мохнатом инее зимы,
В даль, которую откроем мы
На рассвете заревом с востока.

Дорогие, верные дружки,
Рыжий Витька, белобрысый Саша,
Коля и Петро — мои годки,
Как вы далеки и как близки
В мире светлом и просторном нашем.

Каждый год в честь вас гремит салют,
Тени гаснут, облака цветут —
В небе пламя плещется костра
Витьки, Коли, Саши и Петра.

ЗВЕЗДА

Там пахло ваксою, махоркой
И влажной теплотой сукна,
Где выдал мне ее в каптерке
По списку ротный старшина.

И я не то чтобы беспечно,
Но просто прикрепил как мог
Эмалевый пятиконечный
С серпом и молотом значок.

Я не подумал, как вставали
С ним в восемнадцатом году,
Как коммунистам вырезали
Дроздовцы на груди звезду...

Гремела сапогами рота
У зеркала тогда полдня.
Огнем, газойлем, кровью, потом
Не обнесла судьба меня.

Немало полегло навечно
Друзей-годков в земле сырой
Под алою пятиконечной
Красноармейскою звездой.

Давно я снял свои погоны,
Уже давно другой комзвод
В моем полку краснознаменном
Всю службу за меня несет.

Не пишут ничего газеты
Про то, чем занят командир,
Не потому, что тайна это,
А потому, что мы за мир.

Но и теперь дороже нету
Ее, одной на все года.
Неси лучи по белу свету,
С серпом и молотом звезда.

СЫНУ

Гром оркестров и песен новых
После утренней тишины...
Слушай, мальчик белоголовый,
Голос праздника и весны.
Это эхо первых маевок,
Тех, которые, чтоб ты знал,
Приглушенно в бору сосновом
Запевают «Интернационал»,
Свист жандармских шашек над горлом,
Кони пляшут вокруг, храпя,
Но поют эту песню гордо,
Твердо веря, мальчик, в тебя.
Этот ветер знамен оттуда,
От косынки из кумача,
Полыхающей алым чудом
В мускулистой руке ткача.
Нет, не просто веселья ради
Первомайским праздничным днем
Мы с тобой сейчас на параде
Песни слушаем и поем.

На моем плече восседая,
Ты наследник тех, что прошли,
Дальних весен и сам хозяин
Всех грядущих весен земли.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Д. Хренкову

Быть может, это и не модно,
Но у людей как у людей
Они хранятся на комодах —
Тома истории семей.

Люблю семейные альбомы,
Там со страниц на мир глядят
По линии мужской знакомо
Глаза матросов и солдат.

Все молодые, все похожи.
Пусть новый день шумит вокруг!
Там дед не старше, не моложе,
Точь-в-точь совсем такой, как внук,

Что смотрит с пристальной отвагой,
Сфотографирован на днях,
На фоне полкового стяга,
Семьи надежда и броня.

А дед в шинели серой, длинной
Оперся на эфес рукой,
Как будто богатырь былинный
В высоком шлеме со звездой.

Глядишь, и кажется: с налета
В огонь, в степные ковыли
Тачанка с громом пулемета
Опять летит на край земли.

И он на ней, лихой и юный,
И знамя плещет у щеки,
И клич: «Да здравствует коммунa!»
Гремит на все материки.

А там на деда так похожий,
Как будто дед не постарел,
Сын, и не старше, не моложе,
Все так же молод, прям и смел.

Знакома мне его дорога,
Ведь в сорок первом в ранний час
Труба, сыгравшая тревогу,
В ружье подняла вместе нас.

И на четыре года с лишком
Ушел солдат в огонь и гром,
Я знал о нем не понаслышке
Под Мгой, под Курском и Орлом...

Лет грозных жаркая зарница,
Она одна на все года,
Горит почти на всех страницах
Пятиконечная звезда.

И я сижу, альбом листая,
Как будто трогаю рукой
Огни костров и даль без края,
Историю земли родной.

В ПРАГЕ

Над синей Влтавой в Праге старой
Цветут высокие каштаны,
Воркуют голуби у арок
И в солнце-золоте Градчаны.

На площади старинной Праги,
Среди цветов весенних алых,
Стоит, как память об отваге,
Тяжелый русский танк с Урала.

Под ним с утра играют дети
На теплых плитах тротуара.
Им кажется: на белом свете
Стоит он вечно в Праге старой,

Не рвется он огню навстречу,
Тяжелый, грозный бог атаки.
Под ним цветы пылают вечно,
И вечно солнцем светят траки.

На башню голуби садятся,
Тепло от плит брони струится,
И мирно о него дробятся
Дождя и радуги зарницы.

И детям кажется недаром,
Что с Прагой он в разлуке не был.
Над синей Влтавой в Праге старой
Победа стала солнцем, хлебом.

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Для меня была Испания такой:
Времена смешались все и сроки,
Рог Роланда обливается тоской
И Филипп Испанский правит суд жестокий.

А по рыжей сьерре скачет Дон-Кихот,
Карменсита каблучками бьет о камень,
И сражается в Мадриде интервзвод,
Окруженный марокканскими стрелками.

Для меня была Испания такой:
От Веласкеса до Лорки всё в ней рядом,
Черных юнкерсов в высоком небе строй,
Бой быков и паруса морской армады.

Но однажды мне открылось с корабля,
Шел корабль у Гибралтара темной ночью.
Я увидел, что Испания — земля
По подолу в огоньках короткой строчки.

Над проливом черной глыбою утес
Возвышался весь из скал, в дыму, тумане,
Только небо, чуть светлее в свете звезд,
Позволяло разглядеть их очертанья.

Низким заревом Танжер налево плыл,
Ниже черных берегов того утеса,
Ветер дальний запах гари доносил,
Чей-то крейсер шел, огни бросая косо.

Целый час я на Испанию глядел,
Целый час по борту волны били мерно,
Я друзей бы здесь, врагов найти хотел.
Вот она, как ночь и звезды, достоверна.

Где они, морской армады паруса,
Дон-Кихот, и звон гитар, и Карменсита?
Я глядел до слез, глядел во все глаза
На утес, ветрам Атлантики открытый.

Здесь живут и плачут, любят и клянут,
А Филипп давным-давно забыт навечно.
Светят звезды, спит земля, огни плывут,
И летит по морю сьерры дым навстречу.

НА БОСФОРЕ

Поутру фелуки на Босфоре
Вдоль бортов с цветными поясами,
Кажется, с самой зарею спорят —
Желтые, зеленые, как пламя.

Свет зари падет в Босфор не скоро,
Берега кремнистые отвесны,
И цветут фелуки на Босфоре
Радугою у причалов тесных.

Как хвощи из камня, минареты
Над Стамбулом поднялись высоко,
Их вершины в алых фесках света
Утверждают правоту пророка.

Но еще стремительней и жестче,
Из бетона, стали, в ливне стекол,
Среди куполов и башен тощих
Виден Хилтона отель далеко.

Веет ветер угольным угаром,
Горьким медом, пылью и садами.
Зажигает берега пожаром
Солнца апельсинового пламя,

Отражаясь медными кругами
В дымной бухте Золотого Рога,
Где, в мазуте вся, звенит волнами
Аргонатов древняя дорога.

В ГОЛУБОЙ МЕЧЕТИ

На улице у каменной ограды,
Черны от солнца, целый день подряд,
К прохожим молча обращая взгляды,
Согнувшись люди на земле сидят.

Немало есть чудес на белом свете.
Я был в Стамбуле,
Слушая муллу.
Я видел купол Голубой мечети,
Стоял под ним без тувель на полу.

Обтесанный руками дикий камень
Высоко к солнцу люди вознесли.
Теряясь в дымке, купол плыл над нами,
Как небо оторвавшись от земли.

Он так велик был, что о синем небе
Забудешь здесь, под сводом голубым.
...Но, зная, молитвы о насущном хлебе
Не могут уместиться и под ним!

В Р И М Е

Да, мы туристы, нами полон Рим,
К нему ведут дороги всей планеты.
Мы у развалин Форума стоим,
По Колизею бродим до рассвета.

Нас поднимают лифты в Ватикан,
Нам Петр Святой распахивает двери.
Нашествие наречий, наций, стран —
Когда б не видел сам я, не поверил.

К нам здесь привыкли больше чем к своим,
Без нас немислим был бы вечный город.
И вот мы перед Форумом стоим,
Собой ничьих не привлекая взоров.

Но люди слышат русские слова,
И к нам подходят первыми шоферы.
Звучит вопрос: «Москва?» —

Да, да, Москва!
И вот уж спрашивают: «Как наш город?»

Внимательные, чистые глаза,
Большие руки у парней плечистых...
— О белла Рим! — я от души сказал.
Прекрасен Рим! Я был в нем лишь туристом.

А эти парни видели во мне
Мир их надежды, родину Советов.
И до сих пор я слышу в тишине:
«Москва! Москва!» — их жаркие приветы.

Я вижу, как их лица расцвели,
Как пачка папирос идет по кругу,
Как будто от Москвы своей вдали
Нежданно земляков они нашли,
На *Via tritone* под небом юга.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Голос первой любви...	3
Человеку холодно без песни...	4
Старый снимок...	5
Акрополь	7
Песня	9
Стихи о первой любви	11
На Большом Гнездиновском...	13
Над тихими столицами районов...	15
Под атласным одеялом...	17
Железная дорога	19
Шестнадцать лет тому назад	21
Над пирогами и борщом	23
Хлеб коммуны	25
Жизнь, по пословице, не поле	29
На даче	30
Родина	34
Первый трактор	36
Свет звезд идет к земле годами...	38
В чайной	41
В наше время скорости и света...	43
Я в сорок третьем был комсоргом роты...	45

Витька, Коля, Саша и Петро	47
Звезда	49
Сыну	51
Семейный альбом	53
В Праге	56
У берегов Испании	58
На Босфоре	59
В Голубой мечети	62
В Риме	63

Орлов Сергей Сергеевич

ГОЛОС ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Редактор *И. С. Кузьмичев*

Художник *Б. В. Воронцовский*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *Г. В. Котова*
Корректор *Э. Н. Петрова*

Сдано в набор 18/X 1958 г. Подписано к печати 2·ХП 1958 г. М 36759. Бумага 70×108 1/2. Печ. л. 2,12 (2,9). Уч.-изд. л. 1,57. Тираж 7000. Заказ № 941. Цена 1 р. 30 к.

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3